

Бэ́та Дже́йн

Сводные. Против правил

УДК 82-3
ББК 84
Б97

Б97 **Бэта Джейн**
Сводные. Против правил / Бэта Джейн – М.: Литнет, 2026. — 198 с.

ISBN 978-5-524-00345-4

Я ненавижу своего сводного, а все, потому что он мой бывший и врал мне с первой минуты нашего знакомства...

- Нашел чем перед ней крутить. Ха! - он щелкнул пальцами перед моим лицом. - Таким, как она, деньги не нужны. Им подавай светлые чувства, романтику, честные намерения. Так что ты, дружок, в полете.

Я нахмурился.

- Хочешь сказать, если я буду бедным студентом, она в меня влюбится?

- Угу, - лениво потянулся он. - Вот только тебе таким никогда не стать.

- Почему?

- Брендовые шмотки, кольца на пальцах. На твоих волосах больше лака, чем у нее на губах помады, - он презрительно сморщил нос. - Я уже молчу о том, что твои туфли стоят больше, чем ее годовая зарплата.

В этот момент она проходила мимо нашего столика и даже не взглянула в мою сторону. Когда она скрылась за стойкой, друг многозначительно поднял бровь.

- Ну что? Готов к перевоплощению, принц?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00345-4

© Литнет, 2026
© Бэта Джейн, 2026

Глава 1

Пахнет подгоревшим кофе, дешёвым виски и чем-то ещё, то ли плесенью, то ли старыми деньгами. Барная стойка потемнела от времени, на её полированной поверхности кольца от стаканов, словно годовщины чьих-то неудач. Я сижу, уткнувшись в полупустой бокал, в котором лёд уже сдался, превратившись в жалкие островки, плавающие в золотистой жиже.

— Ну что, признался? — Макс стучит костяшками пальцев по столу, его голос звучит как скрип несмазанной двери.

Я поднимаю глаза. Напротив его лицо, освещённое мерцающей неоновой вывеской. Синий свет скользит по скулам, делая его похожим на героя дешёвого нуара.

— Нет, — отвечаю я и снова смотрю в бокал. В нём отражается потрёпанный абажур, болтающийся над барной стойкой.

— Полгода, — он свистит сквозь зубы. — Полгода, а ты до сих пор крутишься как воришка в супермаркете. Я бы не смог.

Я сжимаю бокал так, что пальцы белеют.

— Я пытаюсь признаться. Но каждый раз, когда открываю рот, слова застревают где-то здесь, — и хлопаю себя по груди.

Бармен, здоровый детина с татуировкой паука на шее лениво протирает стакан. Его взгляд скользит по мне, будто оценивая, сколько я ещё продержусь.

— Теперь боюсь, что она всё поймёт неправильно, — выдавливаю я. Макс наклоняется ближе, его дыхание пахнет мятной жвачкой и пивом.

— А ты не думал, что чем дольше врёшь, тем страшнее правда?

Я закрываю глаза. В голове её лицо, улыбка, то, как она поправляет волосы, когда нервничает.

— Ладно. — встаю и забираю телефон со стола. — Я расскажу ей все, сегодня-завтра. Самому уже тошно. Давай, бро! — жму

руку другу и выхожу из бара.

Я прижался лбом к холодному стеклу витрины. Изнурительный свет люминесцентных ламп выхватывал из полумрака три фигуры. Лида в своей вечной униформе (которую я ненавидел) демонстрировала ткань, тонкие пальцы растягивали переливающийся шелк, и он струился между ними, как ртуть.

«Обратите внимание на драпировку», — читал я по губам. Ее профессиональная улыбка заставляла покупательницу, дородную даму в норковой накидке, невольно тянуться к ткани.

Таня-менеджер, вся в блестящих заколках и дешевом парфюме, лихо подхватила: «Этот оттенок специально создан для женщин вашего статуса». Ее хищный маникюр щелкнул по ценнику.

Ветер хлещет по лицу ледяными иглами, пробирается под воротник, заставляет съежиться. Я кутаюсь в куртку глубже, пряча нос в шарф, который пахнет Лидиными духами, сладковатой ванилью с едва уловимым оттенком чего-то теплого, домашнего.

Свет в магазине наконец-то гаснет, сначала громко щелкает замок, потом — шаги по плитке и вот она.

Лида выходит, как всегда, будто на улице не майская промозглость, а летний вечер. Короткая куртка (я сто раз говорил, что она не греет), тонкие джинсы, топик, из-под которого виднеется полоска кожи — бледной, чуть розовеющей от холода. Волосы, эти белые, непослушные кудри сразу подхватывает ветер. Они трепещут вокруг ее лица, как светлое облако.

— Темка! — голос звонкий, удивленный. Она щурится, потому что свет фонаря бьет прямо в глаза. — Ты чего тут?

Я подхожу ближе, наступаю на ее тень.

— Я же просил не работать допоздна. — говорю сквозь зубы, но не от злости, а потому что ветер лезет в рот. — Где шапка? Где нормальная куртка?

Она смеется, знакомый смех, легкий, чуть хриловатый. Прямо сейчас он звучит как издевательство, потому что я уже вижу, как она

завтра будет лежать с температурой, а я бегать по аптекам, ругаясь с фармацевтами.

— Пошли домой, я замерз уже, — бурчу я.

Лида ловит мою руку, цепляется, как всегда, не за ладонь, а за локоть, прижимается всем телом. Ее пальцы холодные, но она все равно умудряется согреть.

— Я к маме хотела сегодня, — говорит она, пока мы идем к остановке. — У нее что-то важное.

— Значит, провожу до мамы.

Автобус подъезжает как назло сразу, старый, потрепанный, с мутными стеклами. Мы заваливаемся внутрь, и тут же знакомый гул двигателя, скрип сидений. Лида прижимается к окну, я к ней.

— Дуреха, — целую ее в нос, который уже успел покраснеть от холода. — Чтоб сразу чай с лимоном выпила, поняла?

Она фыркает, но при этом пристраивается под мою руку так, чтобы я мог обнять ее плотнее. Ваниль, ее ваниль она везде: в волосах, на шее, даже на воротнике куртки.

— Ты такой злой сегодня, — говорит она, но пальцы ее уже запутались в моей куртке, будто ищут что-то. — Что-то случилось?

— Да нет, — вру. — Просто думал, сегодня поговорим. Давай завтра? У тебя же выходной.

— О чем поговорим? — Она откидывает голову назад, смотрит снизу вверх. Глаза серо-голубые, с этими яркими искорками.

— О нас.

— А что у нас не так?

— Все так. Просто завтра, ладно?

Прижимаю ее еще сильнее. Автобус трясет, за окном проплывают огни желтые, красные, размытые дождем.

Я прижимаю Лиду к себе, целую ее в макушку ее волосы пахнут яблочным шампунем и чем-то еще, что всегда напоминает мне о доме. Она смеется, вырывается и скрывается за дверью подъезда, оставив меня стоять под уличным фонарем, который уже начал мигать.

Жду еще минуту, вдруг она выглянет в окно, но нет только тень мелькает за занавеской третьего этажа. Разворачиваюсь и иду к дороге, подняв воротник.

Такси ловится сразу, черный Mercedes с затемненными стеклами.

Водитель даже не спрашивает адрес, просто кивает, когда я говорю: «Коттеджный поселок «Золотые сосны».

Город проплывает за окном, сменяясь сначала спальными районами, потом промзоной, а затем высоким забором с колючей проволокой и камерами. Охранник на КПП пропускает без вопросов, стоит мне лишь открыть окно.

Дорога петляет между вековыми соснами, за которыми мелькают огни особняков. Я уже забыл, как здесь пахнет, не городской пылью и бензином, а хвоей и дорогим камнем.

Машина останавливается перед трехэтажным коттеджем в стиле модерн — стекло, бетон и панорамные окна, за которыми видна огромная люстра, как в каком-нибудь венском оперном театре.

Я выхожу. Под ногами хрустит белый гравий, а в воздухе тишина. Не та, что в городе, где всегда слышен гул машин, а настоящая, глубокая, нарушаемая только шелестом листьев.

Дверь открывает дворецкий, немолодой, в безупречном костюме.

— Макар Викторович, — кивает он. — Отец в кабинете.

Я прохожу через холл с мраморным полом и лестницей, которая кажется позаимствованной у какого-то королевского дворца. На стенах картины, которые отец покупал на аукционах, не потому что любит искусство, а потому что это «выгодное вложение».

Кабинет, дубовые панели, кожаные кресла, массивный стол из черного дерева. Отец сидит за ним, уткнувшись в документы, но поднимает голову, когда я вхожу. Я вошел, и он поднял на меня взгляд, такой же острый, как всегда, но сегодня в нем было что-то новое. Что-то, что заставило меня на секунду замереть на пороге.

— О! Макар! Привет! — Он отодвинул ноутбук, и я заметил, как его пальцы слегка дрожат. — Ты вроде сказал, не сможешь приехать.

— Планы поменялись. Как ты?

— Отлично.

И правда — отлично. Лицо будто посвежелело, глаза блестят, даже морщин у висков меньше. Будто сбросил лет десять.

Я плюхнулся в кожаное кресло напротив, чувствуя, как холодная кожа прилипает к рубашке.

— Ты хотел меня видеть?

— Да. — Пальцы сплелись в замок, костяшки побелели. — Ты уже взрослый, я думаю, должен понять.

Взрослый? Ну да, двадцать два — не пятнадцать, но к чему это сейчас? Что-то в его тоне заставило меня напрячься.

— Пап, не томи, говори как есть. В бизнесе проблемы?

— Нет, все отлично.

— Тогда ты чего такой?

Он резко выдохнул, закрыл глаза, словно собираясь нырнуть в глубину, и выпалил:

— Я женюсь. Тишина.

Я уставился на него, сначала не понимая, потом осознание ударило, как током.

— Серьезно, что ли?

— Да.

Мозг лихорадочно соображал. Отец. Женится. После двенадцати лет вдовства.

— О! Круто! Ты молодец! Я рад за тебя!

— Правда? — его голос дрогнул, а в глазах вспыхнула такая надежда, что мне стало почти неловко.

— Да, — я улыбнулся, и это не было ложью.

Он расслабился, расстегнул верхние пуговицы рубашки, будто сбросил невидимый галстук.

— Ух... А я боялся, что ты не так меня поймешь. — голос стал легче, почти мальчишеским. — Завтра хочу тебя с ней познакомиться, она тебе понравится.

— Завтра?

— Да. — он улыбнулся, и я вдруг заметил, что у него появилась ямочка на щеке, которой раньше не было. — У нее дочь, так что у тебя будет сестра. Здорово, правда?

В его голосе звенела такая непривычная радость, что я автоматически выдавил:

— Здорово!

Хотя мысленно уже представлял, как какая-то малышка будет тырить мои наушники и лезть в комнату без спроса.

— Завтра в семь, в ресторане. Так что, пожалуйста, приходи. Хорошо? Все же мы вас познакомить хотим.

— Ладно, приду. — я кивнул, потом сообразил. — А свадьба когда?

— Двадцать пятого июня. Я замер.

— То есть... вы уже...

— Заявление подали сегодня утром.

Вот это да. Мой отец — человек, который три месяца выбирал новый автомобиль, решил все за неделю.

— Батя... — Я рассмеялся. — Ты жжешь!

Глава 2

В комнате тишина, а я в пятый раз подряд набираю номер Лиды, и снова — гудки. В голове уже рисуются дурацкие картины: а вдруг она не с мамой? Вдруг...

Я занята. Наконец приходит сообщение. Я стискиваю зубы.

Чем?

Мне нужно маме помочь. У нее проблема. Какая?

Я потом расскажу.

Пальцы сами сжимаются в кулаки.

Сегодня встретимся? Нет.

«Класс», — бормочу я, швыряя телефон на кровать. Именно сегодня, когда я собрался с духом все ей выложить, она внезапно пропадает. За стеной топот. Отец уже третий час носится по дому, как подросток перед первым свиданием.

— Макар! — его голос доносится из гардеробной. — Ты не видел мои черные запонки?

— Какие «черные»? — кричу в ответ. — У тебя их семь пар!

— Те, что с сапфирами!

Я закатываю глаза и иду помогать. Отец стоит перед зеркалом, красный, взъерошенный. На нем рубашка, которую он уже три раза менял.

— Ты чего так переживаешь? — не выдерживаю я. Он оборачивается, и в его глазах — паника.

— Я сегодня первый раз увижу ее дочь. — Он проводит рукой по лицу. — Да и вообще... Хочу произвести хорошее впечатление.

Я фыркаю:

— Какое? Ты женишься на ее дочери или на матери?

— Ой, отстань. — Он машет рукой. — У нас есть успокоительное? Смотрю на него и не верю своим глазам. Этот человек, который обычно холоден, как айсберг, сейчас дрожит, как

первокурсник перед экзаменом.

Вечером мы наконец готовы, черный Maybach мягко катит по улицам.

— А я думал, мы заедем за невестой, — подкалываю я.

— Они еще собираются. Приедут позже.

— Это не та твоя секретарша, которую ты нанял пару месяцев назад? — прикидываю варианты.

— Нет! Ее зовут Света, она стоматолог. Помнишь, у меня тогда зуб разболелся?

Кивнул.

— Ну вот, она мне его лечила.

— Ого! — усмехаюсь. — Высокие у вас отношения. Зато теперь у нас будет семейный стоматолог.

Отец моргает:

— Да?

Смотрю на него и не узнаю. Где тот железный человек, который всегда держал все под контролем? Телефон вибрирует, открываю сообщения, Лида.

Ты как?

Отца выгуливаю. Скучаю. Когда освободишься? Пока не знаю. Извини.

Глаза сами прилипают к последнему сообщению. Что-то не так. Она никогда так не пишет. Ревность — гадкая, едкая — заползает под кожу. Я же знаю, что рядом с ней никого нет. Я всех отвадил. Но почему-то камень на душе.

Машина останавливается у ресторана. Мы сидим у дальнего столика, затерянного в полумраке зала. Над нами — хрустальная люстра, чьи подвески дробят свет на тысячи мелких бликов, рассыпая их по стенам, обтянутым темно-бордовым бархатом. Где-то вдалеке, за тяжелыми портьерами, угадывается мерцание города, но здесь, внутри, время будто застыло.

Отец нервно постукивает пальцами по белоснежной скатерти,